

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ИНСТИТУТ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ

ВЕСТНИК ДРЕВНЕЙ ИСТОРИИ

JOURNAL of ANCIENT HISTORY

4(175)

Октябрь — Ноябрь — Декабрь

ЖУРНАЛ ВЫХОДИТ ЧЕТЫРЕ РАЗА В ГОД

ОСНОВАН В 1937 г.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

МОСКВА · 1985

К. А. Абдуллаев, В. А. Завьялов

БУДДИЙСКИЕ МОТИВЫ В ГОРОДСКОЙ КУЛЬТУРЕ ПОЗДНЕКУШАНСКОГО ВРЕМЕНИ

(По материалам Зар-тепе)

Широко известна роль кушанского государства в распространении буддизма и становлении его как одной из трех мировых религий. Несмотря на то, что буддизм, по-видимому, так и не стал официальной и единственной религией Кушанской империи, он тем не менее достаточно далеко проник в самые отдаленные северные ее пределы. Наглядным примером распространения буддизма могут служить многочисленные памятники кушанского времени на юге Узбекистана, характер которых позволяет рассматривать появление здесь буддизма как вторжение целого разработанного религиозно-культурного комплекса, нашедшего отражение в архитектуре, живописи, терракоте и керамике. Интересно отметить, что в крупных древних городах, таких, как Дальверзин¹, Дильберджин², Зар-тепе³, Айртам⁴, обнаружены буддийские святилища, а в ряде случаев и ступы. Особое значение имеет Старый Термез с его ансамблем связанных с буддизмом сооружений, в числе которых пещерный монастырь Кара-тепе⁵, комплекс Фаяз-тепе⁶, ступа Зурмала⁷, что, возможно, указывает на ведущую роль этого городского центра в распространении буддизма в этом регионе. В пользу такого предположения свидетельствует также уменьшение количества находок буддийского характера на более удаленных от Термеза городищах и поселениях.

Начиная с 1975 г. на городище Зар-тепе проводятся исследования жилого квартала, расположенного в юго-восточной части памятника. Жилая застройка изучается одновременно по двум верхним строительным горизонтам, относящимся к финальному периоду обживания этого участка древнего города⁸. В процессе раскопок квартала и некоторых других

¹ Пугаченкова Г. А., Ртвеладзе Э. В. и др. Дальверзин-тепе кушанский город на юге Узбекистана. Ташкент, 1979, с. 90—97.

² Кругликова И. Т., Пугаченкова Г. А. Дильберджин. М., 1977, с. 61—90.

³ Пилипко В. Н. Раскопки святилища позднекушанского времени на городище Зар-тепе. — В кн.: Бактрийские древности. Л., 1976, с. 59—68.

⁴ Пугаченкова Г. А. Новые данные о художественной культуре Бактрии. — В кн.: Из истории античной культуры Узбекистана. Ташкент, 1973, с. 97, 99—103.

⁵ Ставицкий Б. Я. Кушанская Бактрия: проблемы истории и культуры. М., 1977, с. 183, 185—191; он же, основные итоги изучения Кара-тепе в 1974—1977 гг. — В кн.: Буддийские памятники Кара-тепе в 1974—1977 гг. — В кн.: Буддийские памятники Кара-тепе в Старом Термезе. М., 1982, с. 7—49.

⁶ Альбацк Л. И. Раскопки буддийского комплекса Фаяз-тепе (По материалам 1968—1972 гг.). — В кн.: Древняя Бактрия. Л., 1974, с. 55—58; он же. Исследование Фаяз-тепе в 1973 г. — В кн.: Бактрийские древности. Л., 1976, с. 43—45.

⁷ Пугаченкова Г. А., Хакимов З. Два ступа на юге Узбекистана. — СА, 1967, № 3, с. 257—264.

⁸ Завьялов В. А. Раскопки квартала позднекушанского времени на городище Зар-тепе в 1975—1976 гг. — СА, 1979, № 3, с. 141—154.

объектов городища был обнаружен ряд изделий, так или иначе связанных с буддийской традицией и свидетельствующих о распространении данной религии среди городского населения. В числе обнаруженных материалов — скульптурная головка Будды из алебастра, две терракотовые фигурки стоящего Будды и терракотовое изображение его в сидячей позе. С буддизмом можно связать мотив украшения ручек керамических сосудов изображением обезьянок, стенок сосудов — штампами в виде «ступни» Будды, а также изображение цветка лотоса на керамической крышке. Непосредственное отношение к буддийской традиции имеют четыре фрагмента моделей ступ.

Алебастровая головка Будды найдена в 1980 г. на глубине 10 см под третьим уровнем пола помещения жилого квартала 92 (раскоп 6), относящегося ко II строительному горизонту (рис. 1). Учитывая то обстоятельство, что северо-северо-западная стена помещения, близ которой была обнаружена головка, заканчивается на уровне третьего пола, можно полагать, что находка относится к строительным остаткам III строительного горизонта, лежащего ниже.

Головка Будды оттиснута в глубокой матрице. Сохранившаяся ее высота — 8 см. Сохранность головки удовлетворительная, отколоты кончик носа и верхняя часть правого уха. На лицевой поверхности сохранились следы светло-коричневой краски, поверх которой был нанесен тонкий слой позолоты. За ушными раковинами наблюдаются тонкие рельефные линии, образованные в результате тиснения. Затылочная часть обработана вручную и имеет форму двух полушарий. За ушней на темени — довольно глубокое отверстие, возникшее в результате недостаточной проработки тыльной стороны. На тыльной стороне слева выступает валик, образованный краем заготовки. Лицо удлиненное, округлый, несколько сглаженный подбородок выражен слабо, маленький рот чуть приоткрыт, в уголках губ небольшие углубления, крылья носа подчеркнуты тонкой линией, спускающейся на верхние губы. Слегка выделенные дугообразные брови почти сходятся на переносице, продолжая линию носа. Четко проработаны верхние веки, глазное яблоко с нижними веками нависает. Лицо обрамляет прическа с выступающей на темени ушной, переданная наколками. Уши удлиненной формы, с вытянутыми мочками и слабо проработанными ушными раковинами, мочка правого уха немного короче мочки левого.

По тыльной стороне головки видно, что она была частью пристенной скульптуры. Как показывают раскопки в Хадде, где были найдены многочисленные головки будд и бодисатв, изготовленные из гипса при помощи матриц, они, как правило, применялись для оформления культовых сооружений типа ступа или постамента статуи Будды⁹. По всей вероятности, и наша головка использовалась для этой же цели. При раскопках Кара-тепе были найдены фрагменты фигурок из мергелистого известняка, окрашенных красной краской и позолотой, которые Б. Я. Ставиский рассматривает как часть одного и того же барельефа, возможно украшавшего нижнюю часть ступа¹⁰. Как полагает Г. А. Пугаченкова, широкое применение гипсовой скульптуры наиболее характерно для позднегандхарского искусства¹¹.

Новый иконографический тип в коропластике Кушанской Бактрии демонстрируют два фрагмента терракотовых фигурок стоящего Будды в позе абхайя-мудра¹². Среди терракот данного региона этот иконографи-

⁹ Bartheux J. Les fouilles de Hadda. Paris — Bruxelles, 1930, p. 7 suiv.

¹⁰ Ставиский Б. Я. Фрагменты каменных рельефов и деталей архитектурного убранства из раскопок Кара-тепе 1961—1964 гг. — В кн.: Буддийские пещеры Кара-тепе в Старом Термезе. М., 1969, с. 146.

¹¹ Пугаченкова Г. А. Искусство Гандхары. М., 1982, с. 174.

¹² Завьялов В. А. Позднекушанская антропоморфная терракота Зар-тепе. — КСИА, 1981, 167, с. 65—69, рис. 1, 2.

Рис. 1. Голова Будды из алебаstra

Рис. 2. Терракотовое изображение стоящего Буд-
ды (раскоп 6)

Рис. 3. Стоящий Будда (раскоп 5)

Рис. 4. Будда в сидячей позе (раскоп 9)

ческий тип (рис. 2, 3) встречен впервые. Исходя из этого, приходится обращаться к аналогиям в области монументальной скульптуры. Наиболее близка по деталям одежды и позе скульптура Будды из кварца, хранящаяся в коллекции Института имени Хераса и датируемая III в. н. э. По манере изображения издатель относит скульптуру к произведениям гандхарской школы¹³. Однако следует отметить, что терракотовые фигурки стоящего Будды находят аналогии среди штукowych фигурок из Хотана, одежда которых трактована в иной манере¹⁴.

В ходе исследования стратиграфии уличных напластований на раскопе 9, на дне мусорной ямы, ввпущенной со II или III строительного горизонта, найдена терракотовая фигурка сидящего Будды (рис. 4). Статуэтка оттиснута в матрице, изготовлена из тонко отмученной глины с примесью песка и незначительной примесью гипса. Обжиг равномерный, излом светло-коричневого цвета. Следов ангоба не наблюдается. Тыльная — плоская сторона обработана вручную, в нижней ее части по углам — отпечатки пальцев мастера. Бока и основание подрезаны инструментом. Голова фигурки отбита. Насколько можно судить по нижней части статуэтки, она представляет собой иконографический тип Будды, сидящего в позе лотоса. Ноги показаны сплошной рельефной линией, и лишь на правой ноге заметно неглубокое вдавление, возможно выделяющее ступню. Правая рука согнута в локте, кисть ее, лежащая на колене правой ноги, охватывает предмет округлой формы, по всей вероятности чашу. Левая

¹³ Desai K. Treasures of the Heras Institute. New Delhi, 1976, p. 49.

¹⁴ Дьяконова Н. В., Сорокин С. С. Хотанские древности. Л., 1960, с. 43, табл. 44.

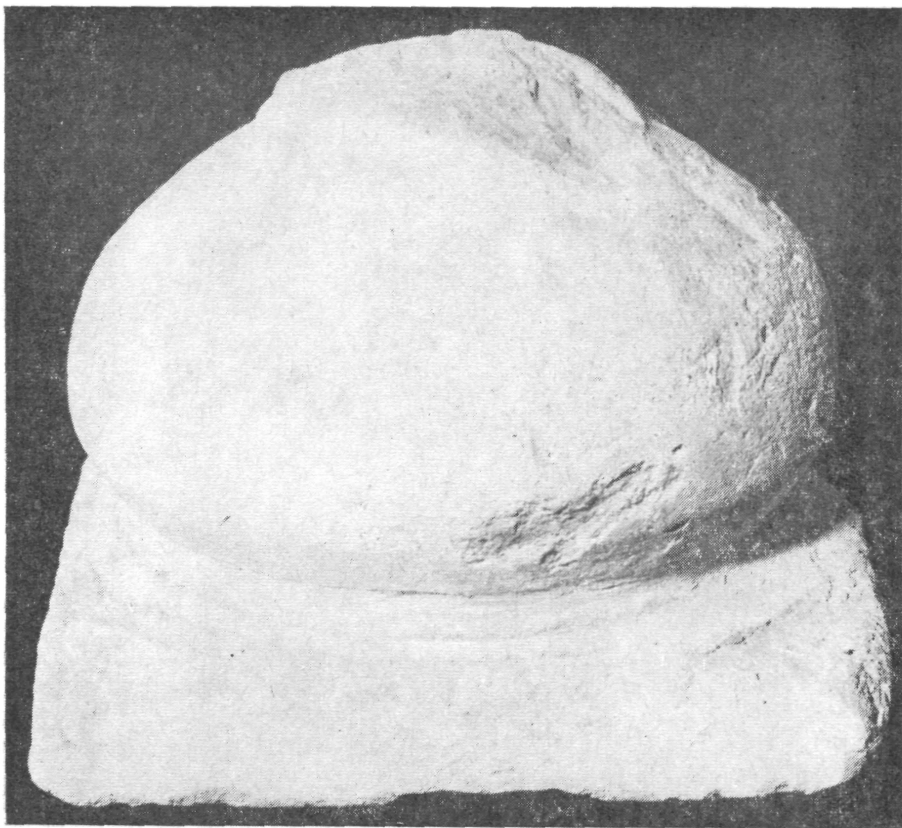

Рис. 5. Керамическая модель ступы (раскоп 4)

рука опущена на ступни ног. Будда одет в просторную одежду, запахивающуюся справа налево. Края одежды образуют на груди треугольный вырез, подчеркнутый рельефными линиями, пересекающимися в районе грудины. Основание статуэтки устойчиво, нижний его край орнаментирован косыми вдавлениями, возможно передающими детали трона. Судя по сглаженным контурам и слабой проработке деталей, можно предполагать, что оттиск изготовлен после многократного использования матрицы.

В качестве ближайшей аналогии можно привлечь терракотовое изображение Будды в сидячей позе из Кара-тепе, но правая его рука здесь, в отличие от описанной выше фигурки, по-видимому, поднята в жесте абхайя-мудра ¹⁵.

Как уже указывалось, непосредственное отношение к буддийской традиции имеют модели ступ. Четыре их фрагмента найдены на городище Зар-тепе. Фрагмент первой модели обнаружен при вскрытии внутреннего помещения башни № 3, расположенной на северо-восточном фасе оборонительной стены городища (рис. 5). Модель была изготовлена из грубо отмученной глины с примесью песка и гипса и, по-видимому, сформирована в матрице с использованием подсышки песка, следы которой сохранились на основании, обжиг равномерный, черепок в изломе светло-красный. На одноступенчатом квадратном основании (11 × 11 × 2 см) располагается купол, вписывающийся в квадрат основания. Нижняя часть основания купола после формовки выбрана инструментом. По окружности основания купола местами наблюдается невысокий валик. В верхней

¹⁵ Мешкерис В. А. Терракоты из Кара-тепе. — В кн.: Буддийские пещеры Кара-тепе в Старом Термезе. М., 1969, с. 131—136, рис. 23б.

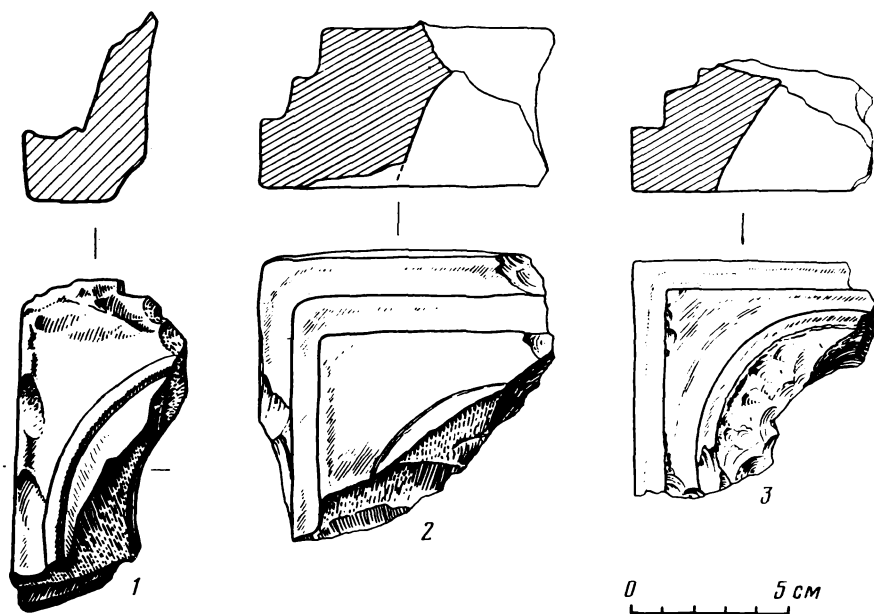

Рис. 6. Модели ступ: 1 — из двора А раскопа 6; 2 — из раскопа 6; 3 — подъемная

части модели скол округлых очертаний с выделенной рельефной линией, идущей по окружности и обозначающей, возможно, венчающую деталь ступа (Чатру?). Изнутри модель полая, со следами выбранной инструментом глины. Сохранившаяся высота ступа — 9 см.

Второй фрагмент одноступенчатой модели с валиком у основания купола обнаружен в слое II культурных напластований двора А (раскопки 1975 г.), на раскопе 6 (рис. 6, 1). В отличие от первой модели диаметр купола меньше основания, форма которого вследствие фрагментарности остается неясной. Вертикальная грань основания подправлена после формовки в матрице острым инструментом. Высота сохранившейся части модели — 2,3, валика — 0,5 см.

Третий фрагмент, найденный на поверхности городища, — двухступенчатый (рис. 6, 3). Выше ступенек, судя по излому, располагался барабан или свод. Об этом же свидетельствует выбранная полость внутри модели. Технология изготовления изделия аналогична вышеописанным. Высота сохранившейся части — 4, высота валика — 0,5 см.

Четвертый фрагмент происходит из культурных напластований улицы «Внутриквартальной», прорезающей жилой квартал по длинной его оси. Он трехступенчатый, причем на верхней ступени сохранился едва заметный след перехода к барабану или своду (рис. 6, 2). По технологическим признакам данная модель не отличается от трех приведенных образцов. Высота фрагмента — 5, высота нижней ступени — 2,2, средней — 1,5, верхней — 1,3 см.

По ряду технологических признаков (состав теста, следы подсыпки песка на основании, а также подправки острым инструментом боковых сторон основания после формовки), находящих полное соответствие в технологии изготовления антропоморфной терракоты и некоторых форм керамики, происходящих из синхронных слоев, можно высказать предположение о тиражировании моделей в самом Зар-тепе. Из-за фрагментарности изделий установление их типологии представляется несколько затруднительным. Предварительно их можно подразделить на три типа: с одно-, двух- и трехступенчатым основанием.

Рис. 7. Крышка с изображением лотоса

Помимо Зар-тепе фрагменты моделей ступ были найдены в пещерной келье монаха комплекса Б на Каре-тепе вместе с зонтиками-чатрами¹⁶ в слое, предположительно датируемом керамическим комплексом конца III — начала IV в.¹⁷ Кроме того, три глиняные необожженные модели ступ иного типа зафиксированы при раскопках Аджина-тепе, датируемого исследователями второй половиной VII — первой половиной VIII в.¹⁸ Таким образом, материал с городища Зар-тепе наряду с находками моделей ступ из мергелистого известняка на Кара-тепе частично заполняет хронологическую лакуну в эволюции этой категории культовых изделий для рассматриваемого региона. Семантика моделей ступ весьма подробно рассмотрена в работе Б. А. Литвинского и Т. И. Зеймаль¹⁹, основные выводы которой вполне применимы к нашему материалу.

В помещении 93 жилого квартала, на уровне третьего пола была обнаружена керамическая крышка, возможно, реликвария (рис. 7). Нижняя ее поверхность плоская, со следами подсыпки песка. Вся поверхность, включая и основание, покрыта красным ангобом. Крышка украшена нарезным изображением лотоса, лепестки которого заострены. Цветок лотоса передан тремя находящими друг на друга рядами лепестков. Два верхних ряда орнаментированы глубокими продольными канавками. По краям лепестков нанесена насечка, повторяющая контур лепестка. Их расположение следует схеме заполнения свободного пространства таким

¹⁶ Ставиский Б. Я. Итоги раскопок Кара-тепе в 1965—1969 гг. — В кн.: Буддийский культовый центр Кара-тепе в Старом Термезе. М., 1972, с. 42.

¹⁷ Сычева Н. С. Керамика Кара-тепе. — В кн.: Новые находки на Кара-тепе в Старом Термезе. М., 1975, с. 126.

¹⁸ Литвинский Б. А., Зеймаль Т. И. Некоторые аспекты перархии и семантики Stupa в Средней Азии и Индии. — В кн.: Древняя Индия. М., 1982, с. 164—186.

¹⁹ Там же, с. 174—182.

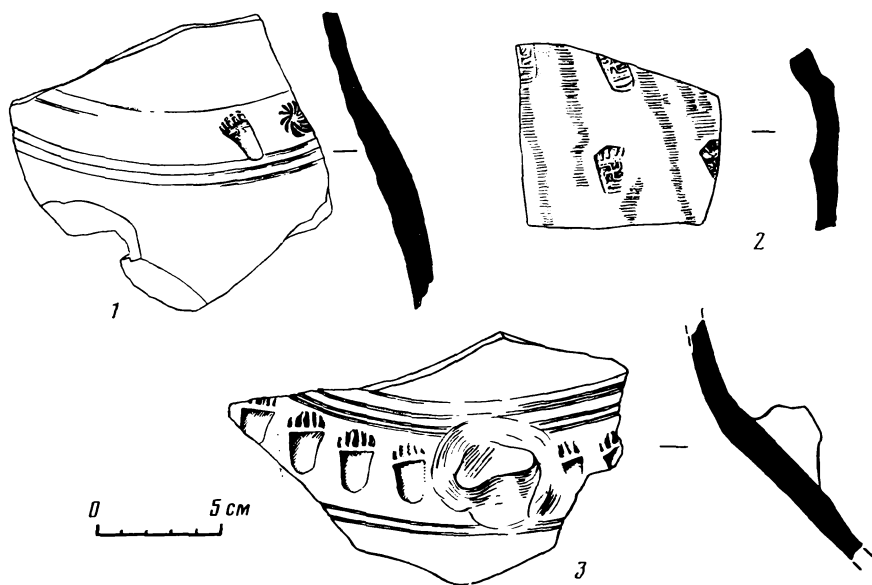

Рис. 8. Штампы в виде ступни Будды

образом, что лепестки второго ряда выступают между лепестками верхнего ряда, между тем как лепестки третьего (нижнего) ряда заполняют пространство двух верхних рядов. В первом и втором ряду по 9 лепестков, а в нижнем — 18. Крышку венчает ручка округлой формы, расширяющаяся кверху. У основания ручки имеется полочка. Диаметр основания крышки — 15, высота — 7,6 см. Буддийская символика изображения лотоса в данном случае не вызывает никаких сомнений, тем более что большое количество аналогичных крышек было найдено при раскопках монастыря Кара-тепе²⁰. Следует отметить, что подобные находки встречаются и на сельских поселениях, примером тому может служить фрагмент крышки, обнаруженный при раскопках Ак-кургана²¹.

Среди многообразных штампов, украшающих стенки сосудов, обращает на себя внимание штамп в виде «ступни» Будды. Этот штамп встречается в керамическом материале Айртама²², Фаяз-тепе²³, Зар-тепе (рис. 8, 1—3). До сих пор оттиски данного штампа наблюдались только на шейках и стенках кувшинов. Все встреченные штампы различны по изображению. Различно также их расположение — в один ряд по окружности шейки (рис. 8, 2), группами по два в сочетании с вихревой розеткой (рис. 8, 1). Особый интерес представляет штамп, изображающий «ступню», поверх которой нанесена свастика (рис. 8, 2). Более усложненный сюжет, включающий элементы буддийской символики на «ступне» Будды, встречается в Амаравати, где помимо свастики изображено колесо закона и щит с завитками и острием²⁴.

²⁰ Ставиский. Итоги раскопок..., с. 43—44, табл. 15; Сычева Н. С., Сычев В. Л. К проблеме семантики изобразительных и декоративных мотивов на Кара-тепе. — В кн.: Буддийские памятники Кара-тепе в Старом Термезе. М., 1982, с. 83 сл.

²¹ Пидяев Ш. Р. Поселения кушанского времени Северной Бактрии. Ташкент, 1978, с. 68 сл., рис. 25, 7.

²² Тургунов Б. А. К изучению Айртама. — В кн.: Из истории античной культуры Узбекистана. Ташкент, 1973, с. 75.

²³ Альбаум Л. И. О толковании кара-тепинских комплексов (В свете раскопок Фаяз-тепе). — В кн.: Буддийские памятники Кара-тепе в Старом Термезе. М., 1982, с. 59.

²⁴ Hallade M. Arts de l'Asie ancienne. Thèmes et motifs, I: L'Inde. P., 1954, p. 22—25, pl. III, fig. 26, 29.

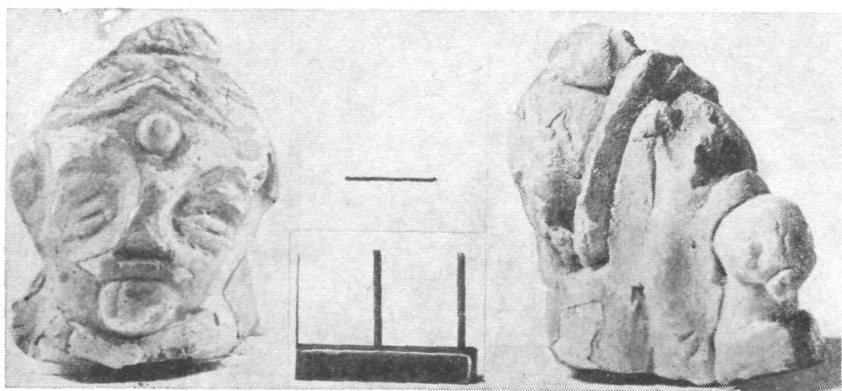

Рис. 9 Головка бодисатвы (?)

Возможно, к буддийскому кругу относится фрагмент головки статуэтки, изготовленной вручную из тонко отмученной глины с незначительной примесью песка. Обжиг равномерный, черепок в изломе светло-коричневого цвета. Поверхность статуэтки покрыта ангобом красного оттенка. Основные рельефы лица — нос, глазные впадины и скулы — переданы защипом. Глаза трактованы в условной манере в виде двух слабовыраженных удлинённых рельефов, которые приспущены на среднюю часть лица. Подбородок выделен округлым налепом. Торчащие уши переданы также приемом защипа. В центре лба небольшой округлый налеп — «урна». Волосы, разделенные прямым пробором, показаны прочерченными линиями, уходящими к затылку. На темени волосы собраны в округлый пучок, по-видимому, изображающий ушнишу. Короткая шея охвачена тонким налепным жгутиком глины, скорее всего передающим шейное украшение. К затылочной части прикреплена плоская, оббитая по краям лепешка глины, на которую в свою очередь налеплен жгутик округлой формы. Далее следует налеп, имеющий в верхней части скол неопределённых очертаний. И последним налепом, прикрепленным к предшествующему, является головка птицы. Головка с округленными налепами глаз и коротким загнутым клювом напоминает головку попугая. Затылочная часть головки птицы прикреплена тонким жгутиком к остоу статуэтки, такой же жгутик охватывает ее грудь (рис. 9).

В отличие от большинства антропоморфных терракот Бактрии кушанского времени, следующих принципу фронтальности, данный экземпляр выполнен в технике круглой пластики. Вследствие того, что статуэтка изготовлена не матричным способом, вряд ли следует ожидать прямых аналогий, но тем не менее наличие таких признаков, как ушниша, «урна» в центре лба, а также шейное украшение, позволяет отнести головку к изображениям буддийского круга, вероятно, бодисатвы. Можно отметить также, что в гандхарских рельефах встречаются сюжеты, включающие в композиции длиннохвостых попугаев²⁵. Вышеупомянутые рельефы относятся автором к группе III и датируются 300—400 гг.²⁶ Кроме того, изображения попугаев встречаются на терракотах, обнаруженных при исследовании помещений, примыкающих к северной оборонительной стене городища Дильберджин и относящихся к последнему периоду обживания древнего города; при этом одна терракота подъемная²⁷. Сохранность нашей статуэтки не дает полной уверенности в определении видовой принадлежности образа птицы. Не исключено, что это изображение павлина,

²⁵ Ingholt H. Gandharan Art of Pakistan. N. Y., 1957, fig. 844, 231.

²⁶ Ibid., p. 30.

²⁷ Кругликова И. Т. Дильберджин. М., 1974, с. 83, рис. 57.

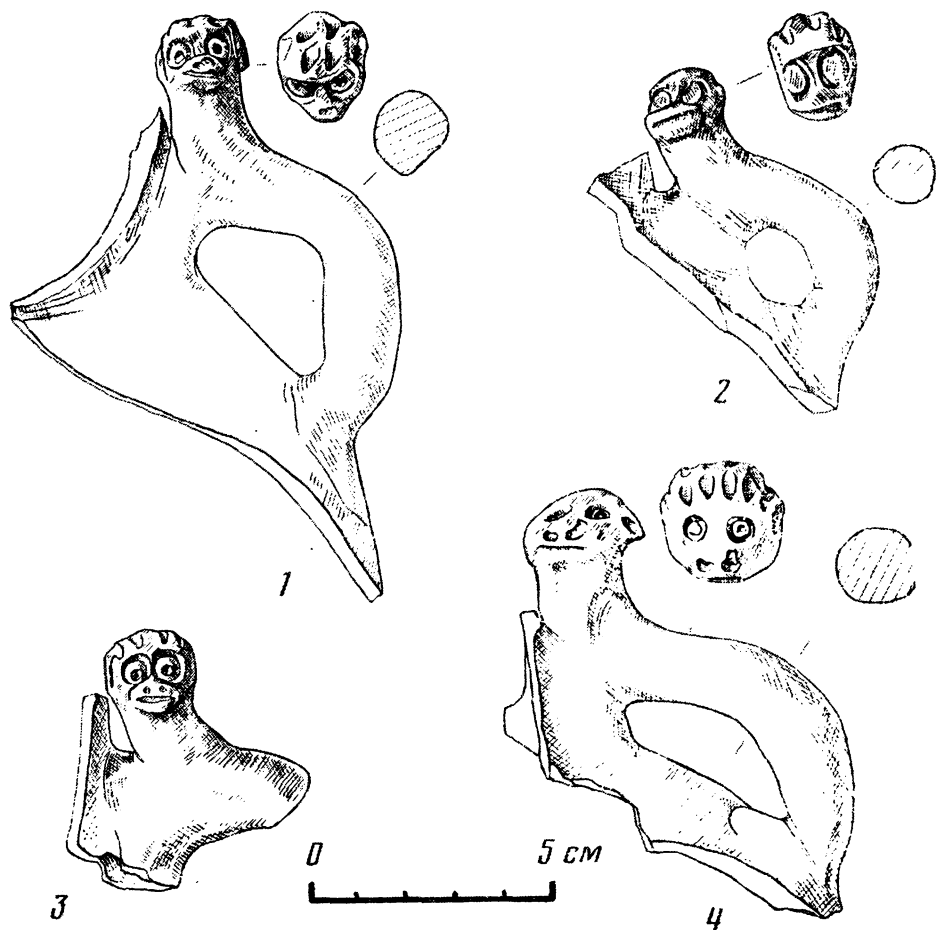

Рис. 10. Головки обезьян

который также выступал в качестве зооморфного символа в мифологии буддизма ²⁸.

С зооморфной буддийской символикой обычно связывают широко распространенный на территории Кушанской Бактрии образ обезьянки ²⁹. Изображение этого животного часто использовалось как украшение ручек небольших кувшинов и кружек. На городище Зар-тепе четыре такие ручки найдены при раскопках жилого квартала (раскоп 6), при этом три из них (рис. 10, 2—4) относятся к верхнему строительному горизонту (I) и одна (рис. 10, 1) принадлежит к нижележащему горизонту II. Судя по изгибу фрагментов стенок сосудов, ручки крепились на стенках кувшинов, изготовленных на гончарном круге, покрытых снаружи ангобом красного и коричневого оттенков. Лепные ручки представляют собой круглый в поперечном сечении жгутик глины, крепившийся нижней своей частью к тулову кувшина, а верхней — к его шейке. Верхнюю часть ручки венчает небольшая головка обезьяны, как правило касавшаяся правым ухом или щекой горловины сосуда, о чем свидетельствуют следы, оставшиеся

²⁸ Мифы народов мира. Т. I. М., 1980, с. 192.

²⁹ Пугаченкова. Новые данные..., с. 121 сл.; она же. Искусство Бактрии эпохи Кушан. М., 1979, с. 186; Ставиский. Итоги раскопок..., с. 61; Сычева, Сычев. Ук. соч., с. 82.

на головках. Тело обезьяны, выгнутое дугой, передано без проработки конечностей; головка обычно обращена к зрителю, глаза переданы наколом полой трубочки, зрачки и ноздри, за одним исключением (рис. 10, 2), нанесены наколом острого инструмента. На двух изображениях (рис. 10, 1, 3) уши обозначены с помощью вдавления пальцем, а ушные отверстия — наколом острого инструмента. Волосы покров передан с помощью продольных вдавлений в один и два ряда, а ротовое отверстие — горизонтальным вдавлением.

Ручки-обезьянки обнаружены также при исследовании остатков жилого комплекса на раскопе 3, относящегося к верхнему строительному горизонту ³⁰, и в подъемном материале при изучении городища Зар-тепе Л. И. Альбаумом ³¹. Аналогичные материалы зафиксированы и при раскопках буддийского монастыря в Кара-тепе, в пещерной келье храма, а также в завале южного коридора пещерного храма II комплекса Б. Находки датируются концом III — началом IV в. ³² На поселении Шорттепе кувшин с ручкой, украшенной головкой обезьянки, обнаружен в слое, датированном монетами Канишки. На ручке имеются насечки, передающие шерсть животного ³³. Здесь же найдена отколотая ручка также относящаяся ко II в. ³⁴ На сельском поселении Ак-курган изображение обезьянки обнаружено в верхнем строительном горизонте, относимом издателем к концу III — первой половине IV в. ³⁵ Фигурки обезьян, использовавшиеся в качестве украшений ручек, обнаружены также и в кушанских памятниках Левобережной Бактрии; при раскопках городища Дильберджин на раскопе 5 (сардоба) была найдена подобная ручка на кружке, которая относится к комплексу керамики, датированному I—III вв. т. е. «временем Великих Кушан» ³⁶.

Два верхних строительных горизонта жилого квартала Зар-тепе на основании комплекса находок датируются IV — серединой V в. Верхняя дата подкрепляется находкой монеты кушан-шаха Пероза. Многочисленный нумизматический материал (около 500 экз.) в настоящее время находится в стадии обработки, и, возможно, скоро позволит уточнить предложенную дату. Стратиграфические условия залегания находок не во всех случаях дают полную уверенность в принадлежности вышеописанных изделий ко времени обживания двух верхних строительных горизонтов. Это касается находок, обнаруженных в заполнении над верхним полом помещений (статуэтка стоящего Будды — рис. 2, головка бодисатвы? — рис. 9), и находок, поднятых с поверхности городища (рис. 6, 3). Учитывая то обстоятельство, что строительная традиция предполагала частичный снос обветшавших строений и возведение на их остатках новых, следует иметь в виду, что может быть переотложена какая-то часть находок. Модель ступы из башни № 3 (рис. 5) найдена в сопровождении комплекса керамики, относящейся ко времени, по-видимому, более раннему, чем заключительный период существования жилого квартала (раскоп 6) ³⁷.

Относительная многочисленность и разнообразие изделий, обнаруженных в достоверных стратиграфических условиях, в жилой застройке, принадлежавшей, по некоторым признакам, рядовому городскому населению, могут указывать на проникновение буддизма в его среду. Находки на сельских поселениях в основном терракотовых фигурок будд и бо-

³⁰ Завьялов В. А., Осипов В. И. Раскопки жилого комплекса на городище Зар-тепе в 1973 г. — В кн.: Бактрийские древности. Л., 1976, с. 57, рис. 3.

³¹ Альбаум Л. И. Балалык-тепе. Ташкент, 1960, с. 20, рис. 7.

³² Сычева. Керамика..., с. 110, 126.

³³ Пугаченкова. Новые данные..., с. 122, 124, рис. 40.

³⁴ Она же. Искусство Бактрии..., с. 183, рис. 221.

³⁵ Пидяев. Поселения кушанского времени..., с. 94, рис. 25, 2.

³⁶ Пугаченкова Г. А. Сардоба. — В кн.: Кругликова И. Т., Пугаченкова Г. А. Дильберджин. М., 1977, с. 52—55, рис. 47, 7.

³⁷ Сабиров К. Новые данные о крепостных стенах кушанского городища Зар-тепе. — ИМКУ, 1979, вып. 15, с. 65, рис. 2, 22.

дисать свидетельствуют о том, что буддизм, по-видимому, нашел приверженцев и в среде сельского населения.

Известно, что буддийские монастыри Кара-тепе и Фаяз-тепе прекратили свое существование к концу правления Васудевы I³⁸; во всяком случае, во второй половине IV в. в Кара-тепе появляются погребения, содержащие керамический и нумизматический материал, синхронный материалу строительных горизонтов I и II жилого квартала Зар-тепе. Несмотря на запустение монастырей, буддийские традиции сохраняются, по-видимому, среди некоторой части городского, а может быть, и сельского населения. Этот вывод подтверждается не только всеми вышеизложенными данными, но также и устройством на северо-северо-западной оборонительной стене городища Зар-тепе, утратившей к тому времени свои функции, буддийского святилища, датируемого III—IV вв.³⁹ К этому следует присовокупить также и то обстоятельство, что буддийские монастыри существовали на территории Бактрии-Тохаристана до VII в., вплоть до арабского завоевания⁴⁰.

Истории известно немало примеров, когда в покоренных областях и государствах еще долгое время не утрачивали своих позиций прежние культы и религиозные верования. Достаточно упомянуть, например, что процесс исламизации населения Ирана после арабского завоевания затянулся на весьма длительный срок. Так, еще в X в. в провинции Парс половину населения составляли зороастрийцы⁴¹.

BUDDHIST MOTIFS IN THE URBAN CULTURE OF THE LATE KUSHAN PERIOD

K. A. Abdullayev, V. A. Zavyalov

The article is concerned with recent finds which are one way or another connected with Buddhist tradition. Some of the material was found in the course of excavating the town site of Zar-tepe (Kirgizia) and most of it belongs to the late Kushan period. Among the objects found are a small alabaster head, two terracotta figurines of a standing Buddha, another of a seated Buddha, a cliché of a Buddha's foot, a lid decorated with a painted lotus, ceramic models of mortars, and pot handles in the form of little monkeys. That Buddhism took root among the urban population is indicated by the relatively large number and variety of the objects found in a house belonging to ordinary people. The chronological unity of the ceramic and numismatic material found in levels I and II in the residential area of Zar-tepe with similar material from burials in Kara-tepe, which are dated in the second half of the 4th century, led the authors to conclude that Buddhism maintained its position in some part of the urban and possibly also rural population even after the obliteration of the cult centres in Kara-tepe and Fayaz-tepe.

³⁸ Альбаум. Исследование Фаяз-тепе в 1973 г., с. 45.

³⁹ Пилипко. Раскопки святилища..., с. 67.

⁴⁰ Литвинский Б. А., Зеймаль Т. И. Аджина-тепе. М., 1971.

⁴¹ Колесников А. И. Завоевание Ирана арабами. М., 1982, с. 222 сл.

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ОТДЕЛЕНИЕ ИСТОРИИ

ИНСТИТУТ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ
ЦЕНТР СРАВНИТЕЛЬНОГО ИЗУЧЕНИЯ ДРЕВНИХ ЦИВИЛИЗАЦИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЭРМИТАЖ
МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ им. М.В. ЛОМОНОСОВА

ВЕСТНИК ДРЕВНЕЙ ИСТОРИИ

JOURNAL OF ANCIENT HISTORY

1(224)

Январь—Февраль—Март

ЖУРНАЛ ВЫХОДИТ ЧЕТЫРЕ РАЗА В ГОД

ОСНОВАН В 1937 г.

The article is devoted to the analysis of a remarkable «amulet» purchased from inhabitants of Khivan Khanate by A. Kalmykov (member of Turkestan Archaeological Society) during his journey through the country in 1907.

This «amulet» is an oval copper plate; the obverse side of it bears a cuneiform inscription and the reverse has images of a man and a deity. Inauthenticity of the «amulet» was proved long ago, but even as an imitation it is extremely interesting.

The 6-lines inscription in Akkadian is made in the archaized characters typical for the epigraphic monuments of the Neo-Babylonian period and contains a dedication of King Nebuchadnezzar II to the god Nabu. This is evidently a copy of some Mesopotamian original (probably, a stone idol inset).

The picture on the reverse betrays falsification with certitude: the artisan not just copied a scene of meeting between a king and a god (a wide-spread subject in Mesopotamian glyptics), he actually compiled it to his own taste, combining elements of a number of sources differing in style.

On the author's opinion, the «amulet» could have been manufactured in Europe or in Russia.

© 1998 г.

К.А. Абдуллаев

НОМАДЫ В ИСКУССТВЕ ЭЛЛИНИСТИЧЕСКОЙ БАКТРИИ

Последние века до нашей эры и первые века нашей эры в истории Средней Азии – один из наиболее насыщенных драматическими событиями периодов. Если говорить об этом времени предельно кратко, необходимо отметить, во-первых, крушение одного из самых блистательных по своей культуре и искусству государств – Греко-Бактрии; во-вторых, нашествие на Среднюю Азию нескольких волн кочевников, что отчасти само явилось следствием крушения государственной системы, созданной греками, и привело к формированию новой, не менее могущественной, но иной по своему характеру империи, – Кушанского царства.

О греко-бактрийской культуре можно судить по руинам некогда величественных городов, по великолепным памятникам искусства, известиям античных авторов. Напротив, история кочевников, сокрушивших некогда мощное государство, остается почти неизученной. Кто были эти грозные кочевники? Редкие и скудные, а иногда и противоречивые сведения о них можно почерпнуть у Страбона, Птолемея, Юстина и других античных авторов. Все попытки воссоздания хотя бы общей исторической картины этой эпохи обращают исследователей к памятникам археологии. Что касается кочевников, то сам образ жизни кочевого населения не предполагает, казалось бы, развития такой сферы материальной культуры, как архитектура, хотя отдельные элементы зодчества, например конструкция погребальных сооружений, демонстрируют прекрасные знания кочевников в области строительства (курганы Алтая, Центральной и Средней Азии). С другой стороны, создание мобильных по своему характеру жилых конструкций также требовало навыков пространственных решений. Отсутствие достоверных данных по внутреннему оформлению жилищ кочевников в какой-то степени восполняется данными этнографии, а также изучением интерьеров некоторых погребений, вероятно, воссоздающих модель реального жилища кочевников.

Для изучения этнокультурного комплекса кочевников исключительное значение имеют памятники изобразительного искусства. Заключение в них информация достаточно разнообразна и охватывает различные стороны жизни общества; здесь

можно почерпнуть сведения о вооружении и отчасти тактике ведения боя, костюме и причёске, деталях быта, религии и мифологии, антропологических признаках и многом другом. При этом предметы искусства, рисующие облик кочевников, можно условно разделить на две категории: во-первых, объекты погребального комплекса, во-вторых, произведения монументального характера, являвшиеся частью интерьерного обрамления парадных или культовых помещений – скульптуры, рельефы или настенные росписи. Композиции в основном носят светский характер, батальные и близкие к ним по тематике сцены заключают в себе информацию о контактах кочевого населения степей с земледельческими культурами.

Образцы пластического искусства малых форм, в особенности терракотовые фигурки, передают образы, оставившие наиболее глубокий отпечаток в сознании широких масс населения. Было ли то результатом внедрения нового этноса с его культурой в среду местного населения, или же образ кочевника был лишь навеян древнему художнику частыми набегами воинственных номадов? Обратимся к данным коропластики – жанру наиболее демократическому и тонко реагирующему на исторические события и культурные изменения в обществе.

Предметом изучения выбраны образцы терракотовой пластики из Кампыртепа. Это один из немногих в правобережной Бактрии памятников, демонстрирующих великолепный материал по эллинистической культуре.

Городище Кампыртепа расположено на правом берегу Амударьи в 30 км к западу от Термеза, на высокой речной террасе. В южной стороне городища размещена цитадель (80 × 80 м). Территория городища занимает около 4 га (220 × 180 м). Керамический материал нижнего слоя включает фрагменты «рыбных блюд» с клювовидным венчиком, датируемых III–II вв. до н.э.¹ Нумизматический материал Кампыртепа указывает на угасание жизни на памятнике сразу же после правления Канишки, верхний горизонт цитадели датируется монетами Кадфиза II и Канишки I. Предполагаемое возведение стен цитадели относится ко времени Сотера Мегаса². В период правления кушанских царей Кадфиза II и Канишки I (вторая половина I – первая половина II в. н.э.) происходит застройка внутри крепости, к этому же времени относится комплекс погребальных сооружений. Отсутствие других позднекушанских монет свидетельствует в пользу того, что «крепость прекращает свое существование в конце правления Канишки или в начале правления Хувишки»³. Нижний хронологический рубеж Кампыртепа по тем же нумизматическим данным падает на селевкидский период, о чем свидетельствуют монеты Антиоха I (халк, дихалк), хотя они найдены в переотложенном виде. На наличие ранних греко-бактрийских слоев указывают находки монет Евтидема (два халка), Деметрия (дихалк), Евкратиды (драхма и четыре обола), Гелиокла (два халка)⁴.

Терракотовый комплекс Кампыртепа включает образы чисто греческого характера, выполненные в лучших традициях эллинистической пластики (матрица для оттиска изображений Афины, голова греко-бактрийского царя, персонаж в хитоне с чашей в руке и т.д.); наряду с этим некоторые образцы терракот демонстрируют уже определенную трансформацию изображений, очевидна художественная деградация и варваризация персонажей. Появляются и новые сюжеты, далекие от своих греческих прототипов, но при создании которых явно использованы модели высокохудожественных образцов эллинистической пластики. Как правило, это вылепленные от руки в довольно примитивной манере фигурки с оттиснутыми в матрице головами. Голова в этом случае несмотря на ее мелкий масштаб моделирована в тончайшей технике с рельефной разработкой мускулатуры лица.

К одному из таких варваризированных образов относится статуэтка с изображением бородатого мужчины, сидящего на невысоком стуле в форме усеченного конуса

¹ Ртвеладзе Э.В. К локализации «греческой» переправы на Оксе // ВДИ. 1977. № 4. С. 185.

² Он же. Кушанская крепость Кампыр-тепе // ВДИ. 1984. № 2. С. 89–90.

³ Там же. С. 93.

⁴ Ртвеладзе Э.В. Селевкидские монеты из Кампыртепа // ОНУ. 1989. № 2. С. 47–49.

Рис. 1. Статуэтка бородатого мужчины. Кампыртепа. Терракота. II—I вв. до н.э.

(рис. 1). Голова персонажа выполнена в высоком рельефе, оттиснута в матрице и по своей трактовке являет разительное отличие от всей фигуры. Прежде всего следует отметить тщательную разработку пышной прически и пышной бороды с усами в виде округлых и удлиненных завитков волос. Черты лица несколько стерты, возможно, из-за сношенности матрицы или самой фигурки после обжига, правильное овальной формы лицо, прямой, расширяющийся к основанию нос, тонкая моделировка глаз с проработанными рельефами век. Лоб в верхней части украшен диадемой. По своим иконографическим признакам головка связана с образом Геракла, одним из наиболее популярных персонажей в изобразительном искусстве античной Бактрии. Изображения его довольно часто встречаются в памятниках медальерного искусства⁵ и в коропластике⁶.

Близки по пластической моделировке две штампованные головки из Зартепа⁷, датированные первыми веками нашей эры, однако здесь сходство с головой Геракла чисто внешнее. Трактовка заостренных ушей более характерна для образа Сатира, также достаточно популярного в изобразительном комплексе Бактрии. Однако, если оттиснутая в матрице голова рассмотренного выше персонажа из Кампыртепа сближается с произведениями эллинистической пластики, то дополнительные наклепные детали совершенно изменяют его облик. Головной убор с низко опущенными наушниками и длинным, свисающим назад «хвостом», наклеплен вручную. Руки персонажа, чуть согнутые в локтях, выполнены в условной манере из скатанных жгутиков. Корпус персонажа передан сплошной глиняной массой; глубоко процарапанные вертикальные линии

⁵ Абдуллаев К. О культе Геракла в Бактрии (Некоторые вопросы иконографии) // История материальной культуры Узбекистана. № 22. Ташкент, 1988. С. 27.

⁶ Пугаченкова Г.А. Геракл в Бактрии // ВДИ. 1977. № 2.

⁷ Культура и искусство древнего Узбекистана. Каталог выставки / Под ред. К. Абдуллаева, Э. Ртвеладзе, Г. Шишкиной. М., 1991. № 195, 196. См. также Альбаум Л.И. Балалык-депе. Ташкент, 1960. С. 21. Рис. 8. Авторская интерпретация головки как принадлежащей морскому божеству остается дискуссионной.

передают длинное, доходящее до пят одеяние. На уровне колен их пересекает поперечная линия, проведенная не ровно, а с симметричным изгибом, образующим в центре острый угол, опущенный вниз. В нижней части одеяния линии более частые. На груди персонажа слабо выделен округлый диск, на поверхности которого выдавлен рельеф, по очертаниям напоминающий личину (горгонею?). Из-под расширяющегося книзу подола видны ступни ног. Персонаж сидит на высоком табурете, грубо вылепленном из единого округлого куска глины и соединенном по бокам при помощи дополнительных налепов с корпусом сидящей фигуры (способ крепления?). Табурет также расширен в нижней части, по всей видимости, для придания большей устойчивости.

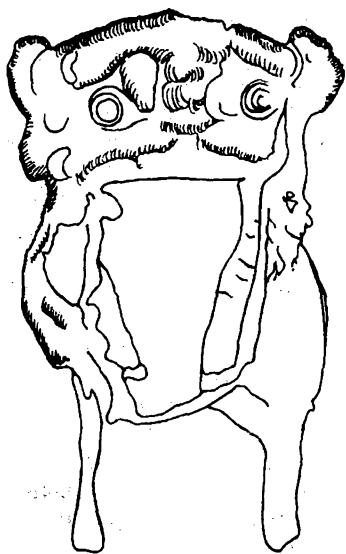

Рис. 2. меховой головной убор из кургана № 6 Ноин-Ула. Северная Монголия

Комбинированная техника создания подобной терракотовой фигурки, сочетающей применение матрицы для оттиска головы с ручной лепкой, как уже отмечалось выше, демонстрирует один из известных бактрийским мастерам приемов, когда за основу берутся произведения предшествующей, в данном случае эллинистической эпохи. В качестве моделей использовались не только терракотовые фигурки, но и образцы мелкой пластики из металла или другого материала. Исполнение фигурки в целом, за исключением головки, примитивно. Мастер тщетно пытается передать сидящую фигуру, но о ее позе можно догадываться лишь по грубо исполненному налепу, изображающему сиденье. Во всяком случае данный экземпляр по своим художественным достоинствам и исполнительскому уровню далеко уступает известным в бактрийской коропластике изображениям тронных персонажей, основное число которых связано с верхним течением Сурхандарьи (Чаганиан)⁸ и интерпретируется в литературе как образ какого-то местного божества, близкого к изображениям Ардохшо в кушанской монетной иконографии. Эти терракоты на

основе достоверно стратифицированных экземпляров датируются I–II веками н.э.⁹ Однако представленное на рассмотрение терракотовое изображение явно тяготеет к другому кругу образов, а может быть, и другому культурному комплексу, истоки которого можно проследить благодаря тщательному иконографическому анализу.

В первую очередь привлекает внимание необыкновенный, казалось бы, головной убор, похожий на шапку-ушанку. По своей конструкции этот убор напоминает кочевнические меховые шапки с длинным «куйруком» (хвостом), как правило, свисающего сзади. Наиболее близкие аналогии в этом отношении дают материалы ранних кочевников из Ноинулинских курганов. Так, например, убор на кампыртепинской терракоте во многом напоминает конструкцию мехового головного убора из кургана № 6 (рис. 2) с длинными свисающими наушниками и приподнятыми в верхней части, как бы заломленными боками¹⁰. Единственное отличие ноинулинского головного убора – это отсутствие свисающего сзади «хвоста». По всей видимости, это две разновидности одного и того же типа, хотя и в ноинулинском варианте сзади также крепились длинные ленты¹¹. Если на терракоте из Кампыртепа показана лента, то убор полностью совпадает с меховой шапкой из кургана № 6.

⁸ Исхакова Е.А., Исхаков М.Х. Терракоты Дальверзинтепе // Дальверзинтепе – кушанский город на юге Узбекистана. Ташкент, 1978. С. 113, 5–8; 114, 16, 18, 23, 24.

⁹ Абдуллаев К. Об одном сюжете в коропластике кушанской Бактрии // Я.Г. Гулямов и развитие исторических наук в Узбекистане. Ташкент, 1988. С. 8–9.

¹⁰ Руденко С.И. Культура хуннов и ноинулинские курганы. М.–Л., 1962. Табл. XVIII.

¹¹ Там же. Табл. XVIII, 1.

Что касается одевания персонажа, то в силу схематичности и условности передачи деталей нельзя с полной уверенностью говорить о характере костюма. Рассмотрим вначале такой элемент, как округлый рельефный диск на груди. На наш взгляд, это не что иное, как металлический диск, по всей вероятности, нашитый на кожаную или же матерчатую основу платья и представляющий собой элемент панцирного защитного вооружения воина. Не исключено также, что это кираса, однако вертикальные линии, доходящие до груди, вызывают некоторое сомнение в подобном определении. Описывая быт среднеазиатского племени массагетов, Геродот упоминает о медных панцирях, надеваемых также и коням (I. 215). Интересно то, что на диске имеется рельеф, напоминающий личину, в связи с чем можно заметить, что один из наиболее популярных мотивов в украшении боевого снаряжения эллинистического времени – это изображение головы медузы Горгоны, призванной своим грозным видом устрашать противника. Не исключено, что этот мотив был перенят кочевническим миром у греков или местного эллинизированного населения Бактрии. Однако говорить о горгонеоне с полной уверенностью не представляется возможным из-за нечеткости изображения¹².

О воинской принадлежности персонажа может свидетельствовать также изображение одевания с длинными продольными линиями различной частоты, передающими в условной манере нашитые пластины.

Доспех персонажа, по-видимому, сконструирован следующим образом: верхняя часть его – бронированная куртка с круглой сплошной пластиной, закрывающей грудь (кираса?) и нашитыми продольными пластинами. Нижняя часть – расширенная книзу юбка с такими же нашитыми металлическими пластинами. Разделение верхней и нижней частей подчеркивает поперечная линия. Отметим сразу, что подобные колоколовидные бронированные «юбки» многократно засвидетельствованы на костяных пластинах из Орлата, к которым мы обратимся ниже. Доспех в виде металлических пластин, нашитых на кожаную или матерчатую основу, засвидетельствован в скульптуре Халчаяна: на одной из фигур панцирный доспех показан в виде длинного, расширяющегося книзу платья¹³. Не исключено, что длинные и очень широкие бронированные «юбки» защищали отчасти и корпус лошади, особенно бока и живот¹⁴.

Аналогичную форму бронированного костюма имеют изображения на монетах сакопарфянских и сако-индийских правителей (Ванон, Мауэс, Спалирес, Спалагадамес, Азес, Азилес)¹⁵. По всей вероятности, благодаря именно сакским племенам Средней Азии панцирный доспех получил распространение на Индийском субконтиненте, как это наглядно демонстрируют памятники пластического искусства Гандхары¹⁶.

Защитному вооружению Средней Азии, в том числе панцирному, посвящен целый ряд публикаций¹⁷. Так, например, М.В. Горелик, исследуя сакский доспех, дает подробный анализ археологических находок и источников в связи с географией распространения панцирного защитного доспеха¹⁸, добавив здесь упущенные им находки – крупные фрагменты поножей, бронированной чешуйчатой куртки, а также нагрудник

¹² Ср., например, щиты с маской, приведенные в ст.: *Горелик М.В.* Кушанский доспех // Древняя Индия. Историко-культурные связи. М., 1982. Табл. 12.

¹³ *Пугаченкова Г.А.* Халчаян. Ташкент, 1966. Рис. 98, 99.

¹⁴ *Абдуллаев К.* К вопросу о воинстве Средней Азии в эллинистическую эпоху // Средняя Азия и мировая цивилизация. Ташкент, 1992. С. 3.

¹⁵ *Mitchiner M.* Indo-Greek and Indo-Scythian Coinage. V. 3. L., 1975. Типы 682, 687, 689–691, 693, 695–697; V. 6. Типы 739, 743–760, 764–769.

¹⁶ *Tissot F.* Gandhara. P., 1985. Pl. XVIII, 10–11. Ср. также вторую фигуру слева на рельефе из Пакистана: *Faccenna D.* Excavations of the Italian Archaeological Mission (ISMEO) in Pakistan: Some Problems of Gandharan Art and Architecture // Центральная Азия в кушанскую эпоху. Т. I. М., 1974. С. 151. Рис. 36.

¹⁷ *Пугаченкова Г.А.* О панцирном вооружении парфянского и бактрийского воинства // ВДИ. 1966. № 2; *Литвинский Б.А., Пьянков И.А.* Военное дело у народов Средней Азии в VI–IV веках до н.э. // ВДИ. 1966. № 3; *Черненко Е.В.* Скифский доспех. Киев, 1968.

¹⁸ *Горелик М.В.* Сакский доспех // Центральная Азия. Новые памятники письменности и искусства. М., 1987. Библиографию вопроса см. там же, с. 129–134.

лошади, обнаруженные в арсенале греческого города Ай-Ханум (Бактрия)¹⁹. Причем следует заметить, что речь идет о наиболее надежно датированных находках катафрактариев в Бактрии (около 150 г. до н.э.)²⁰. Сюда же можно добавить великолепно исполненные изображения воинов в доспехах на костяных пластинах из могильника Орлат (Самаркандская область)²¹. Весьма плодотворно, на мой взгляд, наблюдение М.В. Горелика относительно бронзовой пекторали из I Тузуктинского кургана на Алтае²², которая, по мнению автора, являлась частью доспеха, а не «украшения-нагрудника». Однако подобный элемент вряд ли можно связать с округлым рельефом на груди кампыртепинской фигурки, форма которого склоняет к мысли, что это, возможно, сплошная кираса типа торакса (?), дополненная пластинчатой «юбкой». Длинные колоколовидные бронированные «юбки» изображены на костяных пластинах из Орлата в сцене двух противоборствующих групп и в сцене поединка²³. Части изображенного на них доспеха пристегивались отдельно и смыкались, по всей вероятности, при помощи специального замочка. Он четко виден на орлатской пластине на фигуре упавшего на колени воина с разошедшимися в середине полами бронированной юбки²⁴. Комплекс орлатского могильника носит явно кочевнический характер и датируется II–I веками до н.э., что хронологически сближает кампыртепинскую терракоту с изображениями на костяных пластинах из Орлата.

Подводя итог анализу терракоты из Кампыртепа, можно сказать, что перед нами попытка запечатлеть образ одного из представителей, а возможно, и вождей тех воинственных кочевых племен, которые сокрушили некогда мощное Греко-Бактрийское царство. Несмотря на обобщенную манеру исполнения, в нем можно уловить ряд признаков, позволяющих выделить этот образец на фоне других терракотовых статуэток Кампыртепа. Судя по археологическим находкам, именно в эллинистический период получают наибольшее распространение защитные доспехи. Несмотря на условия их находок в руинах городов и селений они имеют большее распространение все-таки в кочевнической среде, где формируется прослойка профессиональных воинов, нередко становившихся наемниками в армиях тех или иных государей. Достаточно вспомнить парфянского царя Фраата II, который приглашает за определенную плату отряд скифов для похода на селевкидского царя Антиоха VII Сидета. Последние требуют компенсацию за дальний переход, узнав о том, что война уже окончена (Юстин. XLII. 1, 2). Катафрактарии в селевкидской армии появляются, вероятно, не ранее восточного похода Антиоха III в Среднюю Азию²⁵. Во всяком случае, есть все основания полагать, что вооружение катафрактария могло возникнуть лишь среди профессионального воинства, преимущественно в среде кочевников, где военное дело было одним из главных видов деятельности мужского и даже, как свидетельствуют письменные источники, женского населения. Не исключено также, что появление такого оружия, как сильнорефлексирующий составной лук²⁶, произошло в ответ на изобретение бронированного доспеха. Формирование и развитие этого вида доспеха, как и самого рода войск – катафрактариев – в эллинистическом мире было результатом взаимодействия военного искусства кочевников и регулярных армий государств античного мира.

¹⁹ Bernard P. Campagne de fouilles 1978 à Ai Khanoum (Afghanistan) // CRAI. 1980. Fig. 10–12; cp. Grenet F. // BEFEO. 1980. 68. P. 60–63. С вооружением можно связывать и находки железных предметов из Чирик Рабада; см. Кочевые племена Средней Азии и Казахстана в скифо-сарматское время (Археология СССР). М., 1992. Табл. 9, 59, 60.

²⁰ Bernard. Op. cit. P. 455–456.

²¹ Пузаченкова Г.А. Образ кангюца в согдийском искусстве // Из художественной сокровищницы Среднего Востока. Ташкент, 1987. С. 56–65; она же. Древности Мианкаля. Ташкент, 1989. С. 122–154.

²² Руденко С.И. Культура населения Центрального Алтая в скифское время. М.–Л., 1960. Табл. LVIII.

²³ Пузаченкова. Древности Мианкаля. Табл. 70, 71.

²⁴ Абдуллаев. К вопросу о воинстве... С. 3.

²⁵ Bernard P. L'Asie centrale et l'Empire Séleucide // Topoi. Orient-Occident. 1994. V. 4/2. P. 498. Not. 45.

²⁶ Литвинский Б.А. Сложносоставной лук в древней Средней Азии (О проблеме эволюции лука на Востоке) // СА. 1966. № 4.

Рис. 3. Бронзовая пряжка с изображением всадника. Кампыртепа. II–I вв. до н.э.

Тот факт, что в изобразительном комплексе Кампыртепа присутствует пласт кочевнической культуры, подтверждает также и другая находка, представляющая собой бронзовую пряжку (рис. 3).

Пряжка была изготовлена литьем и имела, очевидно, прямоугольную форму, хотя сохранилась не полностью и размеры дошедшей до нас части (5,2 × 5,2 см) составляют квадрат. Пряжка была найдена в цитадели и на основе стратиграфических данных датируется II–I веками до н.э.²⁷ Рамка пряжки представляет собой три рельефные линии, средняя из которых украшена поперечными насечками. На сохранившихся с правой стороны углах проделаны два сквозных отверстия для крепления; аналогичный способ можно видеть на пряжках с изображением лежащего верблюда из Бабашовского могильника²⁸. Пряжка украшена вписанной в ее рамку фигуркой всадника на лошади, припавшей на передние ноги. Фигура лошади расположена по диагонали. Правая рука всадника занесена над головой как бы для удара.левой рукой он держит поводья, опираясь локтем на бедро, но судя по линии изгиба повода, последний не натянут, а наоборот, чуть спущен, видимо для освобождения движения лошади, пытающейся подняться с колен.

Обратимся к изображению самого всадника, в первую очередь к его костюму, так как его голова и черты лица переданы в довольно упрощенной манере. Можно отметить короткую стрижку прямых волос, обозначенных двумя штрихами, и поперечную линию, резко ограничивающую волосяной покров; короткий нос и крупный глаз, обозначенный округлым рельефом. Верхняя часть одеяния трудно поддается определению из-за ракурса фигуры, однако, судя по крупным складкам на рукавах, оно

²⁷ Antiquities of Southern Uzbekistan. Catalogue. Tokyo, 1991. № 167.

²⁸ Мандельштам А.М. Памятники кочевников кушанского времени в Северной Бактрии. Л., 1975. Табл. XXXIII, 8, 9.

представляет собой просторную рубаху или же короткую куртку (?). Более определенно можно говорить о просторных шароварах, складки которых показаны длинными косыми линиями. У щиколоток они подхвачены широкой тесьмой, отмеченной двумя поперечными линиями. Ноги обуты в мягкую обувь. Костюм всадника дополняется длинным развевающимся шарфом, взметнувшимся вверх²⁹, край его сливается с верхней перекладиной пряжки, создавая, как и поднятый хвост лошади, дополнительную точку крепления.

Говоря о конструкции костюма, вряд ли целесообразно приводить бесчисленные аналогии в искусстве степного мира – одежда всадника на пряжке из Кампыртепа вполне вписывается в общую схему кочевнического костюма. Наиболее близкую аналогию дает серебряная статуэтка бородатого мужчины парфянского облика с того же памятника³⁰. Его одежда – короткая куртка с запахом справа налево, подпоясанная кушаком со свисающими концами; борта и подол куртки окаймлены широкой полосой; судя по конструкции, куртка была свободного покроя, не стеснявшего движений. Набедренная часть костюма состоит из шаровар с широкими штанинами наподобие тех, что можно видеть на скульптуре принца из Шами³¹, на это указывают, в частности, складки, следующие вкось от боков фигуры. Интересно, что подобный элемент присутствует на кампыртепинском изображении в виде двух линий, следующих под углом 45°. Показательна в этом отношении находка штанины из 6-го Ноинулинского кургана (Северная Монголия) (рис. 4)³², ясно, что такие штанины кроились и надевались отдельно, поверх основной набедренной одежды. Существовала скорее всего и кожаная разновидность таких штанов, столь практичных при верховой езде.

Несколько необычно в костюмном комплексе кампыртепинского изображения выглядит развевающийся плащ или шарф. Однако, если обратиться к памятникам искусства кочевников, становится ясно, что этот элемент не столь необычен для кочевников. Так, в 5-м Пазырыкском кургане на войлочном ковре изображен всадник перед божеством на троне (рис. 5). Костюм всадника дополнен развевающимся сзади плащом³³. На золотых нашивных бляхах из кургана Тенлик (III–II вв. до н.э.) (рис. 6) показан всадник на коне в аллюрном беге, костюм его состоит из короткой куртки и узких штанов, сзади веером развевается плащ³⁴. И, наконец, наиболее близкий по географии и времени памятник Бактрии, Халчаян, демонстрирует одного из сидящих персонажей в костюме, состоящем из длинной рубахи и широких штанов, на плечи накинута плащ, скрепленный по центру округлой фибулой³⁵.

Можно также выделить некоторые характерные детали конского снаряжения. Как уже было отмечено, на изображении показаны поводья, которые следуют к псалиям лошади, можно заметить оголовный ремень на переносье, показанный поперечной линией, есть намек и на наличие налобного ремня, показанного двумя округлыми линиями вокруг ушей (?). Более уверенно можно говорить об углубленной линии, следующей от седла к хвосту лошади и означающей подхвостный ремень. Грива и хвост животного не подстрижены, о чем говорят длинные параллельные линии на шее и на хвосте. Трудно что-либо сказать о стати лошади, но по всей вероятности, это породистая верховья лошадь, которыми в древности славилась Средняя Азия.

Изображение в целом передает, на мой взгляд, бытовую сценку, возможно, укрощение или объездку лошади. Бытовая тема кочевнической жизни Средней Азии в изобразительном искусстве представлена менее ярко, чем, например, в искусстве скифов Северного Причерноморья. Достаточно вспомнить сцены приручения и дресси-

²⁹ Интерпретация этой детали как крыла кажется нам неверной, см. *Antiquities of Southern Uzbekistan. Catalogue*. P. 287. № 167.

³⁰ *Ibid.* № 166.

³¹ *Ghirshman R. Arte Persiana. Parti e Sassanidi. Milano, 1962.* № 99.

³² Руденко. Культура хуннов... Табл. VII, 1.

³³ Руденко С.И. Древнейшие в мире художественные ковры и ткани. М., 1968. Рис. 46, 50.

³⁴ Акишев Е.А. Курган Иссык. М., 1978. Табл. 40.

³⁵ Пугаченкова Г.А. Скульптура Халчаяна. М., 1971. Рис. 68.

Рис. 4

Рис. 5

Рис. 6

Рис. 4. Штанина из шелковой ткани из кургана № 6 Ноин-Ула. Северная Монголия

Рис. 5. Изображение всадника на войлочном ковре из 5-го Пазырыкского кургана. Алтай

Рис. 6. Золотая нашивная бляшка из кургана Тенлик. Казахстан. III–II вв. до н.э.

ровки лошади, запечатленные на фризе чертомлыкской вазы³⁶. Схожую тематику передает изображение на бронзовом диске из Тахти-Сангина (Таджикистан) с композицией «сак, выводящий двух коней», предмет этот датируется издателями IV–III веками до н.э.³⁷ И все-таки сюжет этот менее распространен, чем, например, тема охоты, часто царской, столь популярной на протяжении многих столетий в изобразительном искусстве среднеазиатского региона, да и древнего Востока в целом.

Рассмотренные нами предметы искусства из Кампыртепа, как и ряд других находок, происходящих с того же памятника, наглядно демонстрируют присутствие парфянских элементов в искусстве Бактрии, что свидетельствует о тесных связях и контактах бактрийского и парфянского культурных комплексов. С другой стороны, с накоплением археологического материала все четче вырисовывается образ кочевников в искусстве Средней Азии.

³⁶ Античные государства Северного Причерноморья. М., 1984. Табл. CXIV, 1, 2.

³⁷ Древности Таджикистана. Каталог выставки / Под ред. Е.В. Зеймаля. Душанбе, 1985. № 219.

The last centuries of the pre-Christian era and the first centuries of the Christian era are one of the most dramatic periods in the history of Central Asia. At that time the resplendent Graeco-Bactrian kingdom fell under the onslaught of several waves of nomads and the Great Kushan Empire was founded. Unfortunately, the history of the nomads has not been thoroughly studied. Materials of written sources (works by Strabo, Justin, Ptolemy and other late ancient authors) are incomplete, which makes one turn to an analysis of archaeological data. They offer abundant information on the nomads' armaments and (partly) on their military tactics, dress, hair style, details of life, religion and mythology, anthropological make up and many other things.

The article analyzes in detail a rich collection of coroplastic works and a bronze buckle as well as some other finds from Kampyr-tepe in right-bank Bactria. The art objects considered in the article testify to close ties and contacts of the Parthian and the Bactrian cultural complexes and shed a new light on the image of the nomads in the art of Central Asia on the threshold of the Christian era.

© 1998 г.

И.Р. Пичикян

ВОЗРОЖДЕНИЕ БОЛЬШОГО КЛАДА ОКСА. ВТОРАЯ ЧАСТЬ КЛАДА ОКСА ИЗ КОЛЛЕКЦИИ МИХО МУЗЕЯ*

Этой работой ВДИ начинает публикацию утраченного и вновь найденного Большого клада Окса (ОТ-2). Это, безусловно, самое крупное¹, самое изумляющее сокровище ахеменидского и эллинистического времени. Оно было открыто еще в XIX в., и история находки хорошо известна. Сначала продажа Клада Окса, затем утрата, с детективной развязкой, которая более столетия спустя, т.е. совсем недавно, получила неожиданно счастливое для науки завершение².

На правом берегу Окса (современной Амударьи) – главной жизненной артерии среднеазиатских пустынь, протекающей между Афганистаном и Таджикистаном, в 1877 г. местными крестьянами, добывающими золото на берегу золотоносной реки, текущей с предгорий Памира через всю Центральную Азию в Аральское море, в самом ее верховье у слияния Пянджа и Вахша, в урочище, именуемом Тахти Кубад, у подножия старой крепости, размываемой водами реки, было найдено множество золотых вещей и монет³. У переправы Тахти Кубад, находящейся вблизи этого места,

Во время подготовки к юбилею «Вестника древней истории» из Берлина пришло траурное известие о скоропостижной кончине 23 июня за рабочим столом в Германском археологическом институте нашего коллеги и друга, крупного ученого Игоря Рубеновича Пичикяна, успевшего перед отъездом не только завершить работу над Большим Кладом Окса, но и подготовить по нему обзорный доклад, который был зачитан на нашей юбилейной конференции. Открывая данной статьей серию публикаций И.Р. Пичикяна, редколлегия и редсовет ВДИ воздают дань памяти на редкость счастливому, плодovitому и неутомимому исследователю, оставившего неизгладимый след в археологии и наших сердцах.

* Работа написана при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда.

¹ В представленных 2 600 номерах от пары до более сотни однотипных изделий (см. знаменатели каталога).

² Считаю своим приятным долгом поблагодарить общество Шини Шумей и Михо музей за предоставленную мне возможность ознакомиться, проработать и опубликовать весь материал Клада Окса.

³ Dalton O.M. The Treasure of the Oxus. L., 1905. P. 1–3.